

Слух о Жене Кисине прошел по Москве давно: есть чудо-мальчик, пониманием музыки и репертуаром намного опережающий свой возраст. Мы, как правило, к таким разговорам относимся скептически, помня о вундеркиндах, не ставших взрослыми гениями, не оправдавших наших надежд, как бы нас даже обманувших...

Шли годы. Любители музыки, музыканты со всего света следили за ростом гениального мальчика, молились за него Богу, чтобы он не погас, не растерял себя, с тревогой ждали его повзрелости. Сегодня Евгений Кисин — один из самых выдающихся музыкантов; на его концерты трудно попасть в любом городе мира.

— Не знаю, как вы, Женя, но Москва, мне кажется, по вам соскучилась. Планируете ли вы навесить родной город? Или есть серьезные причины (опасения), чтобы пока со свиданием не спешить?

— Причины те же, по которым я не приезжал в Россию вот уже больше пяти лет. В России я — военнообязанный, приписанный в свое время к войскам связи. В начале этого года в российских газетах появилось сообщение о том, что я освобожден от службы в армии приказом министра обороны. Я поверил этому и сразу начал планировать приезд в конце июня, но потом выяснилось, что подобного приказа не существовало: сообщение газет оказалось дезинформацией. Сейчас благодаря хлопотам разных добрых людей эта проблема находится в стадии решения. Если она разрешится в ближайшее время, то я приеду и сыграю два сольных концерта в Большом зале консерватории 27-го и 30 июня. Если же нет — придется ждать, как я ждал все эти годы.

— В одном из последних интервью вы посетовали на жесткость вашего графика: жизнь распланирована на два года вперед. Вы намерены как-то изменить свою жизнь через 2—3 года?

Это вопрос не жесткости графика, а именно того, что он составляется так задолго вперед. Дело в том, что это является неизбежностью в карьере музыканта: чем лучше идет карьера — тем больше спроса и,

следовательно, тем на более долгие сроки вперед планируются концерты. Поэтому, нравится мне это или не нравится, измениться в этом смысле моя жизнь могла бы только в том случае, если бы карьера пошла вниз, — что, естественно, меня ни в коем случае не устраивает.

Если еще несколько десятков лет назад концертная жизнь планировалась всего на несколько месяцев вперед, то теперь в таких странах, как США, Великобритания, Германия, Япония, она планируется вперед на годы. Я не берусь предсказывать будущее, но не исключаю и возможности «поворота обратно», в этом отношении — в результате «кризиса производства», который уже начали переживать звукозаписывающие компании.

Что же касается жесткости моего графика как таковой, то я пока даю не более 60 концертов в год.

— Вы еще очень молодой музыкант, хотя стаж ваших выступлений как солиста солиден. Может быть, мой вопрос звучит весьма преждевременно, но не хотели ли вам взять в руки дирижерскую палочку?

— Я считаю, что мое призвание — это прежде всего игра на рояле, и не хочу допустить, чтобы что-либо мешало мне совершенствоваться как пианисту. Когда-нибудь я попробую взять в руки дирижерскую палочку, но что из этого выйдет — предсказать не берусь.

— Я хочу сообщить читателям «Вечерки» одну цифру: на одном из концертов вас вызывали «на бис» 13 раз. Это, видимо, абсолютный мировой рекорд. Но вот мне вспомнилась Цветаева: «Какая на сердце пустота от снятого урожая». Как бы вы прокомментировали эти строки?

— Я очень хорошо понимаю, что Цветаева имела в виду, но у меня в конце того концерта в Боломье были прямо противоположные чувства. Я иногда спрашиваю себя: для чего

нужно людям то, что я делаю? Да и нужно ли это вообще? Так вот, тот концерт, когда после запланированных «бисов» я уже просто начал «вспоминать» вещи, которые играл за несколько лет до этого, а публика воодушевлялась все больше и больше и не отпускала меня, пока в половине первого ночи не запротестовали пожарные и не потребовали закрыть театр. Тот концерт дал мне наглядный ответ на все эти вопросы. Прием публики был для меня таким стимулом, что описать это словами невозможно. И моему состоянию тогда соответствовали не цветаевские строки, которые вы процитировали, а скорее, пастернаковские, хотя и написанные в несколько ином ракурсе: «И тут кончается искусство и дышат почва и судьба».

— Я знаю, Женя, ваш репертуар включает сотни произведений: больших, малых, средних форм. То есть в принципе вы могли бы, как говорят, остановиться на достигнутом — не расширять своего репертуара. Как обстоит дело в действительности?

— Прямо противоположным образом: не расширять своего репертуара я не могу, а главное — не хочу: столько на свете гениальной музыки, написанной для фортепиано или с его участием! Кстати, это — одна из причин, по которой я решил устроить себе четырехмесячный перерыв в концертах этого года — чтобы расширить свой репертуар.

— Вы давно живете в Соединенных Штатах. Не могли бы вы поделиться своими наблюдениями о музыкальном образовании, музыкальной культуре этой страны?

— К сожалению, ничего не могу сказать об образовании, так как никогда не был здесь связан ни с одним учебным заведением. Что же касается культуры... По-видимому, то, что Америка приняла в первой половине нашего века столько выдающихся музыкантов, не прошло для этой страны даром, несмотря на отсутствие здесь тех традиций, которые столетиями

складывались в Европе. Нью-Йорк — это музыкальный центр мира; признание здесь — одна из важнейших ступеней в карьере любого музыканта-исполнителя. Я довольно часто хожу на концерты, в оперу, на балет — и, как правило, залы и театры полны. А музыкальная жизнь в Нью-Йорке бьет ключом, здесь постоянно выступают самые лучшие музыканты нашего времени.

Должен, впрочем, оговориться, что Нью-Йорк — это не Америка (так говорят сами американцы) и, насколько я знаю, вся эта активность музыкальной жизни отнюдь не распространяется по всей стране, хотя есть в Америке и другие центры музыкальной культуры. Об этом, однако, могу судить лишь понаслышке, так как страна эта очень велика, и я еще далеко не всю ее объездил, а кроме того, приезжая в город на 2—3 дня или даже на неделю, невозможно получить полного впечатления о его музыкальной культуре.

— И последнее: что бы вы пожелали сейчас москвичам?

— Чтобы эти нелегкие времена поскорее прошли и люди смогли обрести уверенность в завтрашнем дне, нормально работать и получать как можно больше радостей от жизни. И чтобы как можно больше поддержки, положительной энергии и внутреннего обогащения давала им Прекрасная Музыка. Я счастлив, что мне выпало заниматься этим великим искусством, которое способно помогать людям и объединять их.

Владимир НУЗОВ,
специально

для «Вечерней Москвы»

Москва — Нью-Йорк

Когда материал был уже подготовлен к печати, из фонда «Триумф», пригласившего Евгения Кисина для получения присужденной ему премии «Триумф» за 1996 год, нам сообщили, что все «военные» вопросы, связанные с «призывником» Кисиним, решены положительно.